

4 КРУЗОБОР 76

Академик Б. ПЕТРОВ:

ПЯТНАДЦАТЬ ГАГАРИНСКИХ

Пятнадцатью годами разделены события, запечатленные на этих снимках. Апрель 1961 года. Красная площадь встречает космонавта № 1. Учительница Юрия Гагарина — З. А. Комарова только что вручила его дочери Лене паспорт.

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

На вопросы корреспондента «Кругозора» отвечает академик Борис Николаевич Петров, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премии, председатель совета «Интеркосмос».

— Какой путь прошла космонавтика за полтора десятилетия, отделяющих нас от первого в истории человечества космического полета Юрия Гагарина?

— Стремительные успехи в освоении космоса можно проследить с конца пятидесятых годов, когда у нас в стране были запущены первые искусственные спутники Земли. В шестидесятые годы штурм космоса человеком нарастал. От первого рейса Юрия Гагарина был пройден путь к коллективным и групповым полетам, к высадке человека на Луне.

Семидесятые годы — эпоха орбитальных станций и исследований планет Солнечной системы с помощью автоматических аппаратов. Запуск первой долговременной орбитальной станции «Салют», старт американской лаборатории «Скайлаб». Запуски космических кораблей «Союз» и орбитальных станций типа «Салют». Непосред-

далеких планет, рейсов автоматов к кометам и астероидам. Для столь сложных космических начинаний потребуются значительные материальные ресурсы. При всей научной значимости этих проектов многие из них возможны лишь в процессе широкого международного сотрудничества, ведущего к объединению сил и научно-технического потенциала различных стран.

— Как вы оцениваете реальные перспективы международного сотрудничества?

— Наибольший вклад в освоение космоса внесли СССР и США. К началу 1976 года у нас было запущено более 900, в США — более 800 космических ракет для вывода на околоземные орбиты и на межпланетные трассы спутников, автоматических станций, пилотируемых кораблей, орбитальных станций. Яркий пример сотрудничества — совместный полет кораблей «Союз» — «Аполлон», который Л. И. Брежнев назвал прообразом будущих международных орбитальных станций. В рамках нашей беседы я могу лишь перечислить основные совместные работы в международном изучении космоса. Самая крупная — это «Интеркосмос», программа сотрудничества СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии

и Чехословакии. Уже запущено 14 спутников этой серии. Создана международная организация космической связи «Интерспутник», которая свяжет социалистические страны и ряд других государств мира через космос линиями теле-, радио-, телефонной, телетайпной связи.

— А какие возможности открываются впереди?

— С дальнейшим развитием космонавтики будет находить все более полное воплощение идея К. Э. Циолковского о создании «зфирных поселений» — крупных орбитальных станций, действующих многие годы. Такие станции будут собираться на околоземных трассах из отдельных элементов, блоков. Особое место в будущем, очевидно, займут выведенные на селеноцентрические орбиты станции для тщательного изучения Луны. С их помощью, кстати, можно будет совершать периодические высадки на Луну на небольших экспедиционных космических кораблях. Я думаю, уже в этом веке осуществление многих таких проектов в принципе возможно.

Уже сейчас существуют увлекательные проекты: доставки с помощью автоматов грунта, взятого на Марсе; создания постоянной научной базы на Луне; постройки крупных орбитальных станций нового типа; создания искусственных спутников

и Чехословакии. Уже запущено 14 спутников этой серии. Создана международная организация космической связи «Интерспутник», которая свяжет социалистические страны и ряд других государств мира через космос линиями теле-, радио-, телефонной, телетайпной связи.

Советской ракетой был запущен спутник МАС, подготовленный французскими специалистами. Французские научные приборы успешно работали и на советских спутниках «Ореол», на луноходах, на аппаратах для изучения Марса. С территории СССР был также запущен нашей ракетой первый индийский спутник «Ариабата»...

За пятнадцать лет после полета Юрия Гагарина по его стопам последовало уже 76 космонавтов, советских и американских, причем некоторые из них — неоднократно. Конечно, профессия космонавта еще не стала массовой. Но космические орбиты настолько обогатили бытие современного общества, что без них немислимо дальнейшее развитие человечества. Именно с освоением космоса связаны надежды на решение многих кардинальных проблем современной науки. Средства ракетно-космической техники можно использовать в народнохозяйственных целях, в интересах социального прогресса человечества.

Последнее гагаринское лето. Памятная встреча на донской земле. Июнь 1967 года. За станцией Еланской Дон выпрямляется, становится поуже, точно казачий клинок поблескивает на солнце. Левый берег — знаменитые вешенские пески, поросшие соснами; справа крутолобые меловые горы обрываются прямо в Дон. Не всякий пловец одолеет тут стремнину. Даром, что Дон тихим зовется, а место такое, что дух захватывает... Гагарин, приложив козырьком ладонь к глазам, вглядывался в противоположный берег. Будто примеряясь к броску через реку.

— Ну, с кем наперегонки? — повернулся он к нам. Увидев, что вызов принят, сбросил одежду: «Стартуем по свистку!» И тут же залиvisto свистнул. Бросился вперед. Плыл он к небольшой песчаной ложбинке, которую, вероятно, заметил еще с берега. Плыл мощно, красиво. Встречные лучи солнца преломлялись в брызгах вокруг его вихрастой головы, светясь зеленым радужным цветом... Угнаться за ним по прямой было безнадежно. Пришлось пойти на хитрость. Я взял резко вправо и в несколько гребков добрался до стремнины.

Фото А. Левина,
А. Лидова
и ТАСС

ДЕТ

Пока Гагарин старался одолеть сносившее его течение, я, лежа на спине, увлекаемый мощной струей, уже подплывал к нему. Вышли на берег, отдышались. Он сказал задумчиво: — А я в Саратове запросто Волгу переплывал. Ну, здесь место очень коварное... Мы лежали на горячем песке, разглядывали облака. Юра как-то мечтательно произнес: — Красива земля. Прекрасен Дон... Таким и запомнился мне Гагарин в волнах Дона, в радужном сиянии брызг

В. ДЕКАБРЬ

Удокан... Не слышали? Что ж, было время, когда мало кто знал, что есть на юге Урала гора, которую местные жители называют Магнитной. А теперь стоит произнести: «Магнитная» — и каждый продолжит:

«У ее подножия один из крупнейших центров

металлургической промышленности Советского Союза — Магнитогорск».

Вот так и с Удоканом.

Пока что разве только местные жители да еще специалисты знают об этом забайкальском хребте, разметавшемся — ни пройти,

ни проехать — в самом северном и в самом глухом углу Читинской

области. Но настанет время, когда лишь только прозвучит «Удокан», и даже школьник подхватит:

«Крупнейший центр цветной металлургии Советского Союза».

Не будем гадать, как назовут строители город, в метрическом свидетельстве которого будет значиться,

что своим появлением на свет он обязан Удоканскому месторождению медных руд. Не будем гадать. Но уже подсчитаны запасы

удоканской меди, уже выбраны площадки под будущий горно-обогатительный комбинат, уже уложены первые километры желез-

ной дороги, ведущей от Тынды к Удокану...

Ада ДИХТЯРЬ

В 1949 году в нелюдимых, нехоженных горах, где по эвенкийским легендам спрятал свои бесценные сокровища сказочный исполин Удокан, появилась геологическая партия. Была в этой партии и иркутский геолог Елизавета Бурова. О самом памятном в своей жизни дне лауреат Ленинской премии Елизавета Ивановна Бурова расскажет сама на второй звуковой странице нашего журнала.

ГОРОД, КОТОРЫЙ БУДЕТ

Значительно усилить геологоразведочные и научно-исследовательские работы по комплексному развитию производительных сил в зоне, тяготеющей к Байкало-Амурской магистрали.

Предусмотреть освоение природных ресурсов в этой зоне по мере завершения строительства отдельных участков магистрали.

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», принятых XXV съездом КПСС.

Какие же богатства таят в себе земли, находящиеся в зоне притяжения БАМа?

Виктор РЯБЕНКО, начальник Иркутского геологического управления:

Общая площадь зоны влияния БАМа в пределах Иркутской области состав-

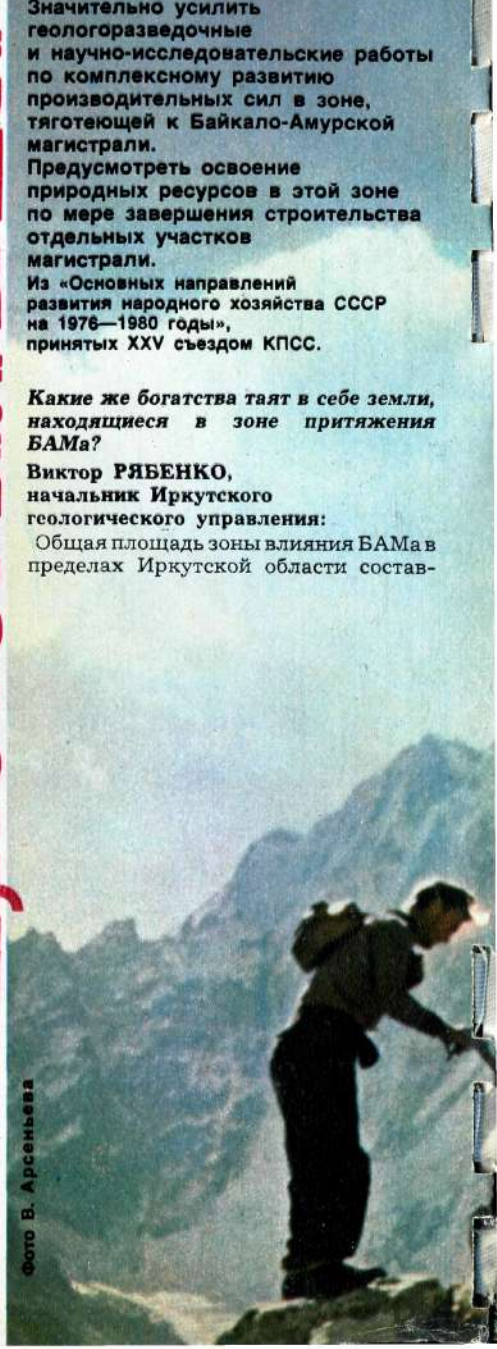

Фото В. Арсеньева

ляет свыше трехсот тысяч квадратных километров. В северном Прибайкалье, примерно в 60—80 километрах к югу от трассы магистрали, открыты и предварительно оценены месторождения полиметаллических руд. «Поли» значит «много», и действительно руды, найденные в бассейне правых притоков Киренги, состоят из самых разных металлов и минералов. Это и свинец, и цинк, и флюорит, и барит. Причем прогнозные запасы этих руд так велики, что могут обеспечить сырьем несколько крупных горно-обогатительных предприятий.

БАМ позволит более полно использовать и природные богатства уже сформировавшихся горнорудных районов области — золотоносного Бодайбинского и слюдяного Мамско-Чуйского. Облегчится освоение рудных месторождений в бассейне Лены. Станут доступными, например, залежи рудного и рассыпного золота, расположенные в верховьях Мамы и Мамакана.

Александр ФИЛЬКО,
начальник Бурятского
геологического управления:

Не раз бывало так: мы открываем новое, перспективное, а порою даже уникальное месторождение, ведем его разведку, даем оценку. С нашими выводами соглашались, однако говорят: «Район удален от путей сообщения. Осваивать запасы пока невыгодно». БАМ сделает доступными природные богатства Бурятии. Что это за богатства? Я бы мог назвать целый ряд месторождений железных и полиметаллических руд, мог бы перечислить десятки полезных ископаемых, но я остановлюсь подробнее лишь на бурятском уникалуме. Это самое богатое на планете месторождение хризотил-асбеста, который в старину именовался горным льном. Рассказывают, что Петр Первый поражал своих гостей, когда срывал со стола скатерть, сотканную из горного льна, бросал ее в огонь и вынимал невредимой. Из бу-

рятского асбеста можно было бы изготовить множество подобных скатертей, ведь его волокна достигают редкостной — двадцатисантиметровой — длины. Очень нужен асбест стране, но добраться до него пока что можно только по 500-километровому зимнику. БАМ пройдет в непосредственной близости от залежей горного льна.

Томмот СИВЦОВ,
председатель Госплана
Якутской АССР:

В зоне хозяйственного освоения БАМа, которая охватывает Алданский, Олекминский и недавно созданный Нерюнгринский районы Якутии, располагается несколько крупных месторождений железной руды. На юге нашей республики находится и единственное в Восточной Сибири месторождение коксующихся углей — Южно-Якутский каменноугольный бассейн. Это очень перспективное сочетание — железная руда, соседствующая с коксующимися углями.

Отец уехал из Москвы 15 октября 1936 года.
Мы с матерью знали, куда и зачем он едет.
В Испании он не вел дневников, не делал никаких записей.
Но говорил, что пишет
много писем домой, которые потом послужат канвой
для будущих произведений.
Это было первое письмо оттуда. Венгр
по происхождению,
отец говорил по-русски свободно,
но писал с ошибками. Мы сохранили его орфографию.

Наталья Залка,
режиссер Московского радио

Дорогая моя Верочка, самая родная на свете!
Пишу это письмо с уверенностью, что оно дойдет до тебя без постороннего наблюдения, поэтому постараюсь его написать так, чтобы ты имела понятия, где я и каково то положение, в котором мы здесь ведем борьбу нашу. Ты, наверно, читала уже в «За рубежом» про генерала Лукача, командира 12-й интербригады,— это я. Когда у меня был корреспондент, мы дрались за Паласету, Сиудад Университарио— словом, за подступы к Мадриду. Была яростная схватка. Привыкший к победам враг не хотел верить в то, что его остановили, бросил свои лучшие части на Паласету, но тут «нашлась коса на камень» — перемолол он свои силы на нас.

Правда, наши бригады тоже понесли страшные потери. Здесь были убиты Баймлер, Луи, Вилли, Романич, Хедрих и многие сотни других, храбрых, но безвестных товарищей. Однако случилось то, чего никто не ожидал. Случилось «чудо Мадрида» — как ее называли буржуазные газеты. «Чудо Мадрида» состоит в том, что враг, буквально находящийся на пороге города (столицы, черт побери!), не может в нее пройти. «Но пасаран!!! — Не пройдет!» — этот лозунг порою звучал для нас самих некоторой наивной иронией, когда мы уже дрались в предместьях города. Но

5 МАТЕ ЗАЛКА-

уже проходит второй месяц этой мертвой схватки — и враг ни шага не сделал вперед, а сейчас намечается тенденция постепенного или, может быть, решительного отбрасывания его от города и его полного разгрома на равнинах юга.

Я уже более чем месяц команду бригадой, в которой находятся представители 11 национальностей. Командный язык французский. Чертовски было трудно вначале, пока не подобрались люди подходящие и работоспособные. Это, конечно, не удалось легко, но сейчас все идет как по маслу. Часть бригады состоит из добровольцев со всего света. Высокодейные, решительные люди, не жалеющие ни себя, ни врага. Такими бойцами и командирами драться можно и победить можно. Что касается республиканской испанской армии, она нарождается у нас на глазах. Народная милиция получила страшные удары опытного и хорошо вооруженного врага и сдавала свои позиции по 10—15 километров в день. Она была небоеспособной и все же героичной. Погибали, естественно, самые крепкие, самые решительные, а масса хлынула назад-назад. Уже виднелись высокие здания красавца Мадрида. А перелома у милиции не произошло. Но у самых ворот города, при поддержке наших двух интербригад, были остановлены волны неприятеля, и тут народилась дефензивная твердость армии. И это было чудом, и это было грандиозно много. Сейчас испанские части выздоравливаются от болезни первого страха перед врагом, они приобре-

тают армейскую организацию и организованность, становятся на место «колонн» батальоны, эскадроны, бригады, батареи, эскадрильи и танковые батальоны. И не сегодня-завтра эта армия будет способна не только держать, но и отбросить лютого и довольно потрепанного врага. Убежавших от народа офицеров сейчас уже успешно заменяют командиры, вышедшие из низов, и хотя они еще далеко не искусные военачальники, но у них заместо теоретических знаний изобильствует ответственность и решительность, зачастую храбрость. Словом, переживаем заново 1918 год со всеми трудностями, прелестями и печалью.

Испанский народ — великий народ. Старый народ, интересный и порой непонятный. В военном деле потрясающая наивность, то, что было даже месяц назад, постепенно исчезает, — месяц назад испанец еще ни за что не ночевал в поле, в карауле полевом, в окопах — боже избавь... Сейчас уже окопы не до колен, а как следует, и умеют стрелять не только в землю перед собой, но и в неприятеля. Это очень важно. Словом, война идет в свою норму, и люди перестанут быть вооруженными человечками, а превращаются в солдат своего дела. Здесь наша родина популярна очень, и не без основания.

Ты спрашиваешь: ну, ладно, ладно, а когда же будет этому конец? Я тоже спрашиваю себя и других, но конца еще не видно, еще не назрели те факторы, которые могут внести

страхна для тех, которые были свидетелями. Но вместо того, чтобы отпугнуть народ Мадрида этими действиями, враг добивается другого. Народ ожесточается, и даже те, которые сочувствовали раньше фашистам, ожидая от их прихода скорого конца войны, сейчас пачками идут в армию и желают сражаться против них.

На нашем фронте сражаются (против нас) мавры, храбрые солдаты, фанатики, темный, наемный народ. Но Франко чувствует, что этого мало. Он мобилизует население в армию, и это хорошо. Мы же знаем, к чему это привело у Деникина, Колчака.

Словом, придет скоро 1919-й, придет 20-й, и мы с тобой, моя родная, увидимся вновь и будем счастливы, как раньше, заслужив это счастье на баррикадах свободы, здесь, в далекой Испании...

Страна красивая, но и суровая, народ такой же. Бой быков — это жестокое, бессмысленное, скорее, тошнотворное зрелище, чем развлекательное. Страна богата, а народ жил в бедности. Масса впечатлений, противоречивых, еще не разгаданных, но они громоздятся у меня как темы будущей книги.

Я чувствую себя физически хорошо. Сплю, как спал в 1918—20, держа ухо на земле. Поэтому, как только сяду в машину, дремлю. Работа напряженная и многосторонняя. О себе думать некогда и не хочу. Меня нет, есть дело, и это

ПИСАТЕЛЬ, БОЕЦ, ЧЕЛОВЕК

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ

решительные изменения в дело. Но они назревают, и назревают, безусловно, в нашу пользу — в пользу республики. Возьми карту Мадрида, Верочка, разыщи по дороге «Коруныя» — 16 километров — деревню Эль-Плантио, от нее на юг идет лес, за который мы в последнее время крепко подрались с врагом. Вот в этом лесу есть замечательный дворец (дворцов здесь уйма), в этом дворце (кстати, крепко истрепанном частью, которая здесь стояла) пишу тебе это письмо. Хозяин дворца маркиз Де Орио был богат, религиозен, но человек со вкусом. Здесь у наших ног валяются такие ценности, что иногда берет жуть, когда наступаешь на них. Но что такое хрустальная ваза вельможи, нажитая на бесчеловечной эксплуатации астурийского горняка или эстремадурского батрака, в сравнении тех сердец, которые остановлены коварной пулей врага.

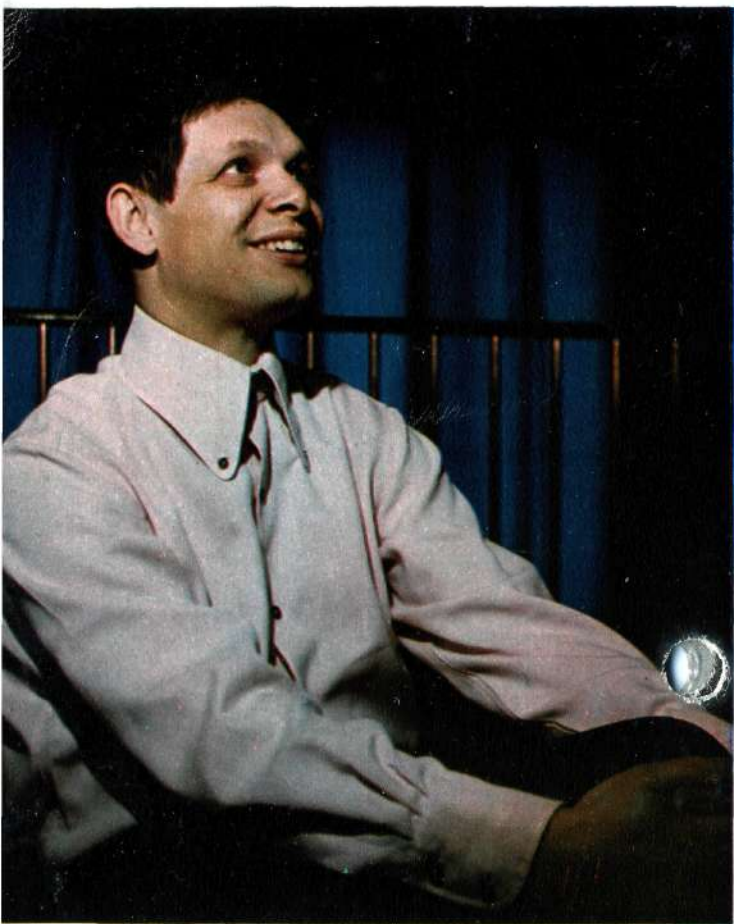
Вы, очевидно, много читали о бомбежке врага, о «капрони», о черных «юнкерсах», о шиво-белых «хейнкелях», которые на крыльях несут свастику. Эти господа действительно безжалостные и храбрые по отношению безоружных людей, но бой в воздухе с нашими летчиками еще никогда не выиграла. Бело-черные летчики сбрасывают 200-килограммовые бомбы на 7-этажные дома, выпотрашивая эти дома снизу доверху со всеми жителями, перегородками, мебелью на 200—300 метров от взрыва. Смерть от такого взрыва для пострадавших совершенно не страшна. Она

главное. В этом ключ спокойствия и уравновешенности нервов, без которых на войне можно пропасть ни за грош.

Теперь разреши подряд вас всех расцеловать, обнять и пожелать всего-всего хорошего — с Новым годом (со старым счастьем)! Поцелуй мою дорогую дочку Тасю, всем друзьям большой салют! Родная, изо всего сердца целую тебя, я с тобой всей душой, твоей Лукач Паул.

Просьба: отец моего личного адъютанта Алексея Владимировича Эйснера живет в Москве, работает в Высшем архитектурном обществе (Б. Дмитровка), живет где-то на Спиридоновке. Звать Владимир Владимирович Эйснер. Профессор, архитектор. Сына не видел с 1919 года. Передайте: жив, здоров, со мной и парень хороший.

*Алексей Эйснер, «хороший парень»
и «личный адъютант»,
как пишет о нем Мате Залка,
был со своим генералом
до самого последнего дня,
до самого последнего часа.
Когда Лукач погиб, Эйснер сопровождал
гроб с его телом в Валенсию,
где состоялись торжественные похороны.
Слушайте рассказ А. Эйснера
на пятой звуковой странице.*

ЛАУРЕАТЫ
ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

КАК ПИЛОТ НЕ МОЖЕТ НЕ ЛЕТАТЬ...

На звуковой странице слушайте
в исполнении Э. Хилья
песни «Люблю» (Я. Дубравин, В. Гин),
«И все, пожалуй» (Л. Гарин, А. Ольгин).

На сцене появляется веселый парень. Он шагает слегка вразвалочку, как бывалый моряк, только что сошедший на берег. И начинает петь просто так, потому что не петь не может, потому что у него свободный денек и хорошее настроение. И поет он о друзьях, с которыми делил все невзгоды в дальнем плавании, о своей любви, о том, как интересно жить на земле.

Мы часто сейчас говорим о важности для певца найти свой образ, индивидуальность, обрести свое лицо и характер. Именно таким певцом является Эдуард Хиль.

В афише значится: «Поет народный артист РСФСР Эдуард Хиль». А за этими несколькими словами — своя нелегкая судьба. Несмотря на молодость, певец успел испытать на себе все горести военного времени. Война разлучила его с матерью в горящем Смоленске. Семи лет он попал в детский дом, уносимый отливом эвакуации все дальше и дальше на восток, в тыл — в Пензенскую область, потом под Уфу. Только в 1944 году матери удалось разыскать своего сына. И теперь, когда Хиль поет о войне, он вспоминает и свои скитания и картины сражающейся страны, прошедшие перед его детскими глазами.

Потом Ленинград. Годы учебы в полиграфическом техникуме и одновременное увлечение занятиями в оперной студии при Дворце культуры имени Кирова. Это уже ставший довольно обычным путь из художественной самодеятельности в музыкальное училище, а оттуда и в консерваторию. С благодарностью говорит артист о профессоре Евгении Григорьевиче Ольховском, обучавшем его не только вокальной технике, но и умению любить и понимать музыку.

Пройдя школу вокальной классики, Хиль пробует себя и в исполнении сочинений советских композиторов. Первыми были свиридовская «История про бублики» на стихи Маяковского и песня Андрея Петрова из кинокартины «Путь к причалу». Так постепенно и закономерно он пришел к советской песне, стал лауреатом конкурса артистов эстрады 1962 года и вскоре завоевал широкое признание любителей советской песни.

Во время многочисленных поездок артисту случается встречаться с друзьями детства. Один из смоленских детдомовцев стал теперь опытным полиграфистом, другой — художником. А вот совсем недавно встретил Хиль в Вильнюсе бывшую детдомовку, которая стала сама воспитательницей детского сада.

Побывал Эдуард со своими любимыми песнями и за границей: его слушали в Южной Америке, Канаде, Европе, Австралии, Японии.

Обычно, когда мы кончаем работу над новой песней и думаем, кому из исполнителей отдать ее, чаще всего сразу же останавливаемся на имени Эдуарда Хилья. Отдавая песню в его руки, мы знаем, что певец сделает все, чтобы донести до слушателя ее настроение, каждую ноту, каждое слово.

Вениамин БАСНЕР,
Михаил МАТУСОВСКИЙ
Фото Т. Пурцхванидзе

Ансамбль «Апаркоа» хорошо знают в Чили. Он возник в 1966 году, рос и закалялся в острой социальной борьбе. Оружием «Апаркоа» была песня, чилийская политическая песня, а душой — пятеро юношей из Союза молодых коммунистов. Во время предвыборной кампании 1970 года ансамбль выступал на митингах, организованных по всей стране в поддержку Сальвадора Альенде. Вместе с голосами, которые собирал народный кандидат, собирал голоса своих почитателей и народный ансамбль «Апаркоа», песням которого дружно аплодировали текстильщики Томе и индейцы Трауко, шахтеры Лоты и крестьяне Патагонии.

11 сентября 1973 года пал от предательской пули пиночетовских мятежников президент Альенде. Чили превратилась в огромный тюремный застенок. Зверски замучен фашистами народный певец и композитор Виктор Хара. Но не убита, не сломлена песня!

Она ушла в подполье. И снова на передних рубежах битвы молодые коммунисты, ребята из «Апаркоа». Их песни звучат на митингах солидарности с патриотами Чили во многих городах мира: в Берлине и Варшаве, Москве и Париже, Афинах и Мехико...

Совсем недавно, на проходившем в Сочи международном молодежном фестивале «Алая гвоздика», посвященном в этом году памяти Виктора Хары, мы снова встретились с ансамблем «Апаркоа». Создано много новых песен. Но самое главное — закончена многолетняя творческая работа, начатая еще в годы Народного единства, когда «Апаркоа» вместе с Пабло Нерудой создавал музыкально-поэтическую композицию нерудовской «Всеобщей песни». Теперь бессмертные стихи великого чилийца, воспевшего красоту и гордость своего народа, снова вызывают к борьбе за справедливость, за человечность, за свободу.

Многие свои песни ансамбль создает на стихи, которые приходят к его участникам прямо из Чили, прорываясь сквозь цензурные и полицейские рогатки. Это голос непокоренной родины, которая шлет своим сынам, вынужденным покинуть родную землю, слова доверия и надежды. Шлет, чтобы из этих слов сложили песню, которой так боятся палачи.

Несколько своих новых песен «Апаркоа» записал в студии Московского радио. Названия говорят сами за себя: «Этот день придет», «Моей партии», «Люди с гор», «Последние слова»... Об этой песне хочется рассказать особо. Впервые она прозвучала в те недолгие, но волнующие дни, которые ансамбль провел в гостях у советской молодежи во время седьмой недели солидарности. Чилийский композитор Марсело Кампос переложил слова последнего обращения Альенде на музыку, а ансамбль «Апаркоа» сделал аранжировку. Так родилась эта яркая, необычай-

ПЕСНИ-БОРЦЫ

ГОЛОС НЕПОКОРЕННОЙ РОДИНЫ

но музыкальная и в то же время острополитическая песня.

«Я верю в будущее Чили, в его народ, в предательства конец», — поется в ней. И мы искренне верим, как верил Альенде, как верят все патриоты Чили, все честные люди земли, что «...этот день придет, раскроется вся правда, и вернется слово «свобода»...».

Борис СИМОРРА

Песни «Последние слова» и «Этот день придет» со вступительным словом руководителя ансамбля «Апаркоа» Хуана Карбахала слушайте на десятой звуковой странице.

Фото Л. Лазарева

КОММУНИСТ—ЭТО БОЕЦ

В ночь на 31 января 1976 года над Сайгоном прогремела канонада — глухие взрывы, треск, напоминавший пулеметные очереди. Но это никого не испугало. Никто не бросился задвигать жалюзи. Все знали: на улице праздник, это трещат и рвутся петарды и шутихи в честь вьетнамского Нового года «тэт» по лунному календарю. Первого для Сайгона свободного Нового года.

...У него маленькие руки, тонкие запястья, а чуть выше, когда задираются рукава свитера, отчетливо заметны темные шрамы. Памятка о кандалах.

Это руки бойца. Бойца, который двадцать лет не держал оружия. С той самой ночи, когда, пробравшись из джунглей на связь, Нгок попал в западню и в бамбуковой хижине, тускло освещенной керосиновой лампой, впервые ощутил на запястьях ледяной металл наручников. С той самой ночи до майского утра 1975 года, когда охранник на Пуло-Кондоре сам бросил Нгоку в «тигровую клетку» ключи от кандалов и свой пистолет: «Сайгон теперь ваш!»

Все эти годы Нгок не держал в руках оружия. И все-таки он сражался.

Я встречал многих бойцов освобождения Южного Вьетнама. Помню героя-партизана Тхая — он первым создал свой отряд на горном плато. Маленького Хюнга с серебряным орденом на гимнастерке — на его минах подрывались вражеские бронетранспортеры. Легендарную Нгуен Тхи Динь, женщину-полковницу: она готовила штурм Сайгона — заключительную «операцию Хо Ши Мин»...

Беседуя с Нгоком, я подумал, что среди моих вьетнамских друзей наверняка были те, кто именно Нгоку, а может, кому-то другому из 200 тысяч политзаключенных сайгонского режима обязаны возможностью бороться и победить. Обязаны потому, что коммунист Нгок молчал под пытками, не назвав ни одного имени, не выдав ни одного адреса. Нгок знал, что семья и товарищи считают его погибшим. А сообщить о себе не мог: по тонкой, готовой в любой момент порваться нитке тайной связи с материком передавали только самое важное. Там, на острове Пуло-Кондор, он совершал подвиг. Подвиг длиною в двадцать лет.

Нас, современников эпопеи Вьетнама, быть может, больше всего восхитило и поразило вот это умение вьетнамцев на

ВЬЕТНАМ-ЕДИН!

протяжении десятилетий хранить в душе священное пламя непокорности злу и насилию. Один за другим сгорали в этом пламени все, кто пытался завладеть Вьетнамом. Памятником стойкости предков высятся под Ханоем холм Донгда, где были разбиты пришельцы из Китая. Торчат из вод скачкового, прекрасного залива Халонг мачта французского корабля, корабля-интервента. Крыло самолета с полустертыми буквами «US ARMY» перекинута через деревенский канал, звонко шлепают по нему босоногие ребятишки.

«Война может продолжаться еще пять, десять, двадцать лет или еще больше», — говорил Хо Ши Мин. — Но вьетнамский народ не запугать. Скорее высохнут реки и рассыплются горы, чем мы прекратим нашу борьбу. И мы победим!»

...Своей тонкой рукой с темным шрамом Нгок нежно каса-

ется плеча сына. Очень светлыми, будто выцветшими глазами ищет он в лице юноши какую-то черточку, которая напомнила бы ему маленького Занга, расставшегося с отцом двадцать лет назад.

Тысячи таких узнаваний, таких встреч с затерявшимися в адском котле войны сыном, братом, мужем происходят сейчас во Вьетнаме. Я видел, как мой знакомый вьетнамский журналист Ле Куи после двадцатилетней разлуки вернулся в родной дом. «Совсем седой, мой мальчик!» — шептала мать, щуплая, сморщенная старушка. И вздрагнула, коснувшись протеза, который заменил сыну ногу.

...Ле Куанг Нгок снова в родном Куангнгае. Член провинциального комитета партии трудящихся Вьетнама, он каждое утро проверяет ход работ на строительстве железной дороги «Единство», которая протянется через всю страну. Потом он идет к бухте. Там восстанавливается причал. Ежиж седых волос прикрыт зеленой каской. Но не боевой металлической, а пробковой — от палящего солнца. Прищурился глаза, он смотрит на ослепительные воды бухты. Берет в руки лом и с наслаждением вонзает его в глыбу известняка.

Г. ГРАММАТИЧКОВ

Фото А. Лидова

«Я молчал. Я не мог выдать друзей...» — говорит узник Пуло-Кондора Ле Куанг Нгок. Слушайте его рассказ на третьей звуковой странице.

Максим ТАНК

Вновь я иду, как прежде,
За уходящим летом,
За отцветающим небом,
За песнею недопетой.

Только теперь не знаю,
Доведет ли дорога
До юности моей дальней,
До моего порога.

И если дойду,—знать, долго
Буду стучаться в двери,
Ибо кто без тебя, мама,
В мое возвращенье поверит.

●
Что обычное солнце
Может свершить на Земле?
Может растопить лед на реке,
Но не в сердце;
Может разогнать тучи в небе,
Но не в мыслях;

Рыгор БОРОДУЛИН

РАЙОННЫЕ АЭРОДРОМЫ

Районные аэродромы—
Погожего неба заложники—
Воздушные паромы
Раскачивают остороженько.
Высоко взмывают стрекозы—
Аэрофлот подразнивают,
Пасутся безрогие козы—
Коровы малолитражные.

Алексей ПЫСИН

БАЛЛАДА О КОМБАТЕ

Ни тот день, ни тот миг не забыты...
Вижу я: на земную между
Оседает комбат мой убитый,
И я рядом с комбатом лежу.
Сколько судеб война подкосила!
Черным снегом дохнула земля...
У комбата—ни дочки, ни сына.
Слишком молод—не старше меня.
Ты, печаль, как живая утрата,
Вы, тревоги мои,—от кого?
А мы дети, мы дети комбата,
Мы—единственные его...

●
Солнцем, гулом, яростною силой
Переполнен мир по окоем...
Жизнь меня добром не обделила—

Может налить соком радости яблоки,
Но не песню;
Может осушить росу на лугах,
Но не слезы;
Может поднять истоптанные всходы,
Но не человека;
Может поднять птицу в синеву,
Но не мечту.
Не случайно
Мы указываем в календарях,
Когда взошло солнце революции.

●
Тут заблудиться можно:
Степь без конца и без края;
Тут заблудиться просто:
Трава, как сон, густая.
Здесь только ржавеет каска.
Зацепишь ее ногою—
И снова захохотало
Былое поле боя.

Районные
аэродромы...

Мокрых
поленниц дрема,
Впрок
запасенных самой
Диспетчершей строгой—
Зимой.
Дядька гостей подвозит,
Перегруженных данью былинной...

Поручила быть своим посланцем.
Кто-то этот путь уже изведал
Полной мерой, полною ценой.
Волнность всем быллым ее полпредам
Остается навсегда со мной.
Борозду любую знал в окружье,
Понимал гуденье мудрых пчел,
И его ли грех, что брал оружие
Скромный и доверчивый посол?
Боль со мной, тревога, а не виза
На проезд в нейтральный городок.
Мой ли это грех, что ненавижу
Подлецов, предателей, пройдох?
Может, завтра станет мир добрее
И теплее,
А до той поры
Я себя огнем грядущим грею,
Кровью сердца приношу дары.

Снова погасло солнце.
Лишь полыхают маки,
Как той порою, когда
Мы здесь подымались в атаки.

●
Глухая партизанская дорога,
Заросшая воспоминаньями,
Зашифрованная дятлами,
Замаскированная листопадами,
Затканная паутиной
Бабьего лета.
Ее нетрудно нынче миновать,
А то—в разлив—и вовсе воротиться,
Коли не срочно ехать.
Что ж по бокам ее
Столько курганов?
Было, стало быть, время,
Когда
Лишь она и вела
К жизни.

Антоновкой пахнет осень,
Зазимками—свежежиной.
Старуха терзает косынку—
Не может никак успокоиться.
Летит на родину к сыну...
Глянуть на землю боязно...
Память над облаком синим
Тяжки крылья подьметлет:
Самолет с той поляны сына
Вывозил на Большую землю.

●
Ляда, словно заплата.
Горб валуна.
Там простая отрада—
Рябинка одна.
По песку, по суглинку
Из весны в весну
Сиротинку-рябинку
Несу и несую.
Нес легко б, хоть подковы
Повыбили шлях,
Да валун ледниковый
У нее на ногах.
Как песчинку, пушинку,
На конечной тропе
Опушу я рябинку
На сердце себе.
Переводы с белорусского Наума Кислика

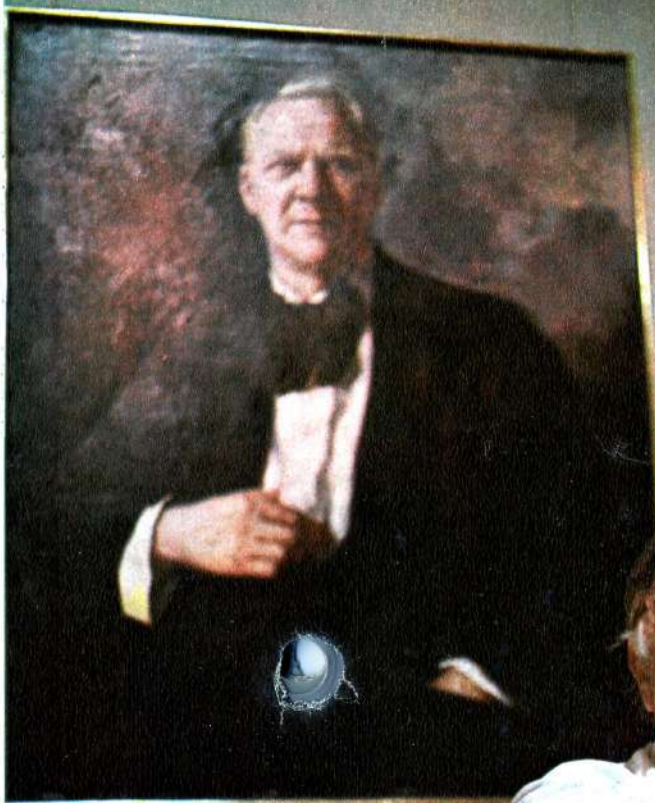
Талант, известно, не всегда дается вместе с фамилией. Доставшаяся ему от рождения знаменитая фамилия — Шляпин, казалось бы, открывала дорогу на сцену. Тем более что у Бориса Федоровича прекрасный слух и хороший голос...

Он же стал художником. И знаменитым Бориса Шляпина сделала не слава его отца — громкая, заслуженная. Напротив, слава эта заставляла сына стремиться к головокружительным высотам в собственном творчестве.

Выставка, устроенная в старинном особняке на Калининском проспекте в Москве, только подтвердила: не обделены талантом и другие члены многочисленной семьи Шляпиных.

Удивительные, неопишуемые чувства овладевают человеком, приехавшим после долгого перерыва в город своего детства, юности...

Поздней осенью Борис Федорович бродил по Москве. По знакомым местам и местам, виденным впервые. Постоял у особняка, где жили в начале нынешнего века Шляпины. Делал зарисовки, писал этюды... Наш разговор ведется в номере гостиницы «Украина». Там за темными, холодными струями Москвы-реки, словно за волнами легендарной Леты, — старый Новинский бульвар. Там начало жизненного пути Бориса Шляпина, истоки творчества художника Шляпина. Первые рисунки, вызвавшие одобрение домашних. Затем — Петроград. Академия художеств. Мастерская В. Шухаева. Учеба в Москве у А. Е. Архипова в Училище живописи, ваяния и зодчества, у Д. Кардовского — в Строгановском. ВХУТЕМАС. Знакомство с Коненковым. За-

КИСТЬ ШАЛЯПИНА

нения в его мастерской на Красной Пресне.

С середины 20-х годов Шаляпин продолжил свое художественное образование под руководством известных мастеров кисти, друзей его отца — К. А. Коровина и П. К. Степанова. Ученик оказался достойным своих учителей. Ни разу за свою долгую творческую жизнь не погнался за модой, не изменил реализму. Особое влияние на его художественные вкусы, жизненные принципы оказал Шаляпин-старший. Человек недюжинного таланта, по свидетельствам современников,

тем не менее проявлял к себе особую требовательность, не позволяя малейшей недоработки. Трудолюбие и взыскательность, без которых меркнет любой талант, не получается настоящего художника, он старался воспитать и в сыне. «...Сначала ты должен приготовить значительные работы, а потом выставить так, чтобы об этом заговорили громко и все», — пишет отец Борису Федоровичу. Отрывок из другого письма: «...Распродажа плохих картинок... кроме унижения, ничего не принесет... Получится, пожалуй, Пресненский рынок. Это пло-

хо, а случится это потихоньку — незаметно для самого себя. Опять-таки я против этого. Пока ты имеешь возможность и не пухнешь с голода — работай серьезно!»

Кисть Б. Ф. Шаляпина запечатлела несколько эпох в лицах: целая галерея знаменитостей — Теодор Драйзер, Галина Уланова, Сергей Прокофьев, Игорь Стравинский, Фриц Крейслер, Артуро Tosканини, Ван Клайберн, Сергей Коненков, Константин Коровин, Игорь Сикорский...

Творческие индивидуальности, со своим характером, различными биографиями.

В характере своих героев, в их облике Борис Шаляпин всегда находит самое существенное и дает им точную психологическую характеристику. В этом ему немало помогают и превосходная техника, и энергичный рисунок, и великолепное чувство света и цвета.

Традиционные цвета, выстроенные в необычных сочетаниях, звучат в его работах свежо, сочно, по-новому.

Было бы несправедливо считать Бориса Шаляпина только портретистом. Творчество его гораздо шире, многогранней. С не меньшим успехом удаются ему и пейзажи, и театральные декорации, и скульптурные работы.

Ни один серьезный исследователь, обращаясь к творчеству гениального русского певца Федора Ивановича Шаляпина, не преминет обратиться к великолепной портретной галерее, созданной его сыном. Здесь и многочисленные карандашные наброски, запечатлевшие отца художника в ролях царя Бориса, Сальери, Дон-Кихота, дона Базилио («Севильский цирюльник» Россини), Владими-

ра Галицкого («Князь Игорь» Бородин), Мельника («Русалка» Даргомыжского), и великолепные живописные портреты, написанные под строгим критическим оком самого Шаляпина. Уже это, несомненно, ставит Шаляпина в ряд художников значительных...

Не меньшую известность и признание принесли ему портреты С. В. Рахманинова. Композитор изображен в профиль на темно-красном, контрастном фоне. Напряженные, энергичные пальцы на клавишах. Задумчивое лицо немолодого уже человека... У этого портрета, написанного в сороковых годах, незадолго до смерти композитора, примечательная история. К художнику не раз обращались с просьбой продать картину. Шаляпин неизменно отклонял все предложения и, наконец, подарил его России. Сейчас портрет выставлен в московском Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

Справа — первый портрет Рахманинова, написан в самом конце 20-х годов под Парижем. Он сразу же поставил автора в ряды художников серьезных, значительных.

Отзыв одной из газет того времени: «Никогда еще не видели мы такого Рахманинова, каким написал его Борис Шаляпин».

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото Л. Лазарева

Борис Шаляпин:
«Хочу написать Пушкина.
Мне помогут в этом
его стихи живые...»
Слушайте
шестую звуковую
страницу.

Шрам

Как живой памятник, как тихое предупреждение всем, кому приходится бывать в лесу, шумит спокойным, ровным шумом старая ель. Ее нельзя не заметить. И не только потому, что она у самой стежки, выше и толще всех деревьев. В глаза бросается другое: шрам, белесый, шириной в две ладони, он вьется драмой лентой вдоль ствола. Кора содрана, вместо нее — то каплями, то струйками — смоляные слезы, прозрачные, светлые с весны до зимы, а в стужу — матовые, заиндевевые.

Ель плачет и тихо-тихо шумит. Кажется, каждая хвоинка тревожно шепчет о случившемся: в жаркую летнюю пору молния ударила в макушку и, оставив свой след на стволе, в ту же секунду ушла в землю.

В шуме веток — не сетование на горькую долю. И не призыв к мщению, нет. Это просто-напросто доброе напоминание людям, чтобы они не забывали вековые законы природы и знали, что гроза всегда бьет по самому высокому дереву.

Кабанья тропа

Дикий кабан очень лют. Потревоженный, он сразу кидается на того, кто перед ним. Свиристует стремительно и ловко. Даже если грозит ему гибель — не отойдет. Свою тропу редко кому уступит, чаще всего идет напра-

вом, не сворачивает. Перегорожена тропа — прыгает через преграду. Зная это, иной охотник с жестокой браконьерской душой ставит поперек кабаньей тропы бревенчатый рожон-козелок с торчащими навстречу зверю ножами. Упрямый зверь все равно не сворачивает. Прыгает. И сам распарывает себе брюхо.

Девичье счастье

Каждую зиму девочки из нашей деревни ищут забавы ради снежинки в пять и семь лучей. Кто-то сказал, что такие приносят сказочное счастье, лучше которого и быть не может. В безветренную погоду, в таинственной игре друг перед дружкой снежинки падают задумчиво и тихо, солнце насквозь высвечивает все их многочисленные грани — тонкие, до причуд узорчатые, но всегда с геометрически строгим рисунком, будто их творит и рассыпает по белу свету невиданный волшебник-ювелир, старающийся удивить всех-всех своим умением создавать столь диковинную красу на махоньких кристалликах-хрусталиках. До чего ж красивы и нежны звездочки, искрящиеся на девичьих полушалках, на рукавичках, на ресницах; и ни одной ни в пять, ни в семь лучей. «Да не бывает таких, какие ищете», — не раз добродушно посмеивался над искательницами счастья мой отец, уверяя, что все снежинки, какие бы разные ни были, все равно о шести лучах; ни больше ни

меньше, всегда шесть, обязательно шесть. Девичьим сердцам так сильно захотелось особенного счастья — не поверили старику, все искали, приглядывались. И парней подзадоривали: «Еслилюбишь — найдешь».

И в шутку искали и всерьез — тщетно. Ясность внес учитель математики Карл Карлович: «Кому-то захотелось какого-то особенного счастья. Ищет-ищет, бедняга, — ни за что не обрящет по простой причине: такого счастья нет, оно надуманное, несуществующее». Оказывается, в природе, по подсчетам ученых, свыше тридцати тысяч разновидностей снежинок. И все с шестью лучами; другими и быть не могут: кристалл-то у всех шестигранный. Таков закон природы. Все равно девочки ищут с парнями то, что искали, все равно лелеют мечту: вдруг да с неба упадет диковинка, какую еще никто никогда не видывал.

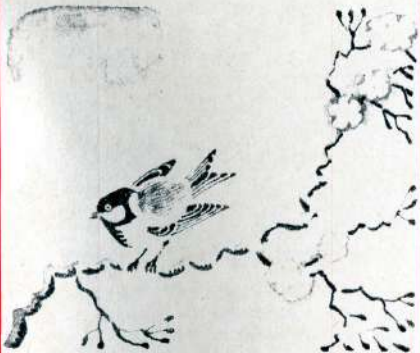

Шутка природы

Как и повсюду в северных местах, у нас все привыкли к осенним переменам в садах: в октябре деревья уже без листьев; ветер шепчет-баюкает их, чтоб засыпали, и они засыпают, послушные вековечным законам природы, засыпают до самой весны. Но в тот год случилось иначе. На календаре — глубокая осень, 28 ноября, два дня до зимы, а вишни под окнами в бело-розовой кипении; цветут! Месяц назад все было в снегу; и морозец потрескивал. Ноябрь — ожидали — еще холоднее будет, он же прилетел на крыльях южного

ветра, теплыми дождями растопил октябрьский снег, напоил землю, умыл ветки, освежил коренья. И всем на удивление случилось то, чего никто не ждал: обманутые теплыню, вишни дали цвет. Удивленные, прыгали в цветах синицы с воробьями: солнышко холодное, ни соловьев со скворцами не видно, не слышно ни пчел, сад весь голый, одни вишни красуются. Красуются!

А с неба уже опять запорхал снег, повеяло морозной зимой, будто природа взяла да и подшутила, чтобы узнать, кто в саду доверчивее всех и может временную оттепель принять за настоящую весну.

Рыселюб

Бывалые охотники и те не могли взять в толк: пойдут на охоту с мельником Иваном Кузьмичом—обязательно рысь попадется, а то и две; без него же—ни одной. Гадали-рядили, почему хитрая зверюга как бы сама его выслеживает,—не догадались. И прозвали старика Рыселюб. В лес то и дело зовут, чтобы охота добычливей была. А ему уже за восемьдесят. Глаз не тот, что смолоду. Рука с ружьем дрожит. Даже на хорошей лыжне на ногу тяжел. Правда, охотничья натура берет свое, и он соглашается. Снимает со стены ружьишко, выпьет на дорожку валерьяновки, чтоб одышка меньше донимала, с собой пузырек-другой прихватит—и вслед за всеми. С охоты возвращается, конечно, с рысью. Секрет открылся случайно. Однажды, побродив с охотниками часа

два по лесным тропам, присел Иван Кузьмич на пенек, достал свой спасательный пузырек, взял на ладонь снегу, накапал капель. Рука тряслась, немного лекарства пролилось мимо. На обратном пути все стало ясно: вокруг пня—рысьи следы. Видать, запах и вкус валерьяновых капель для всех кошачьих пород—и для домашних и для диких—самое приманчивое лекарство.

Выстрел мимо

Почти не задевая невысокое кустовое, неслась по болоту волчья стая—матерый с волчицей и три переряка. Где-то позади раздавался многоголосый собачий лай. Охотников не было видно, они затеяли, чувствовалось, хитрую облаву.

Миновал болото, стая взлетела на косогор. На какую-то секунду-другую матерый замер, чтоб оглядеться, куда бежать дальше. И стая замерла.

В это же мгновение притаившийся за подветренным кустом охотник взял матерого на мушку, указательный палец застыл на курке. Прицел—лучше не бывает. Казалось, еще одна секунда, и волчий вожак рухнет замертво. Но охотник был с каким-то особенно добрым человеческим сердцем, он смотрел на вожака стаи и думал: остановился-то зверь ради стаи, чтоб не попасть впро�ак, чтоб уцелеть, чтоб выжить. Сердце охотника екнуло, указательный палец шевельнулся. Раздался выстрел.

На привале охотники долго журили своего промахнувшегося товарища, из-за которого ушла вся стая. Никто мысли не допускал, что стрелял он не в волка, а мимо.

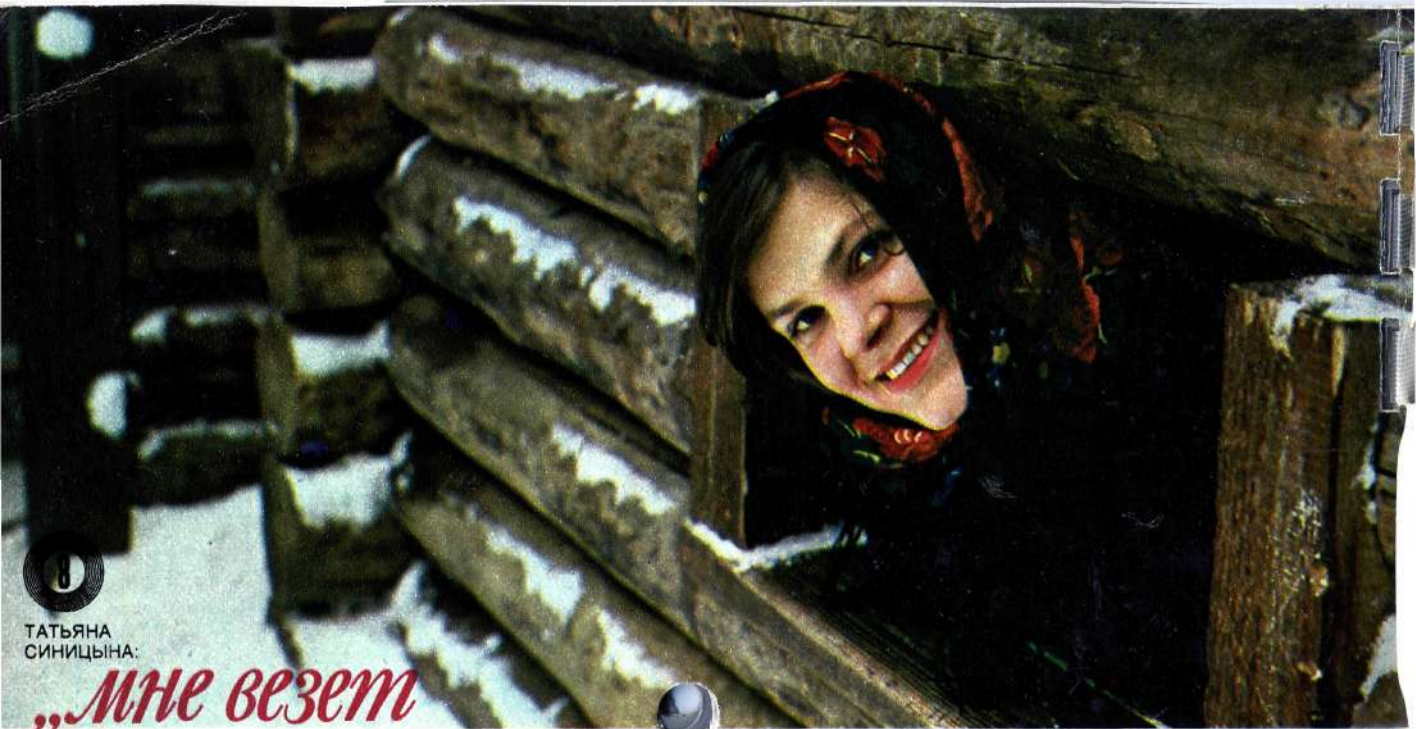

Лосенок

Охотник выстрелил из-за куста и, подбежав к убитой наповал лосихе, понял, почему она не успела уйти: около нее, за кустом, качался на тоненьких ножках лосенок. Родившийся всего лишь, наверно, несколько дней назад, он ничего не понимал, несмышлениш, и тянулся своей мордочкой к охотнику, тянулся доверчиво, будто это пришел спаситель, а не губитель. Сердце лосенка еще не чуяло и не понимало, что в лесу и зло и добро—рядом.

Рисунки М. Ромадина

ТАТЬЯНА
СИНИЦЫНА:

„Мне везет на хороших людей“

Пожалуй, никто не может так глубоко понять и почувствовать русскую народную песню, как человек, выросший вместе с ней, для которого она естественная и неотъемлемая часть, продолжение родного дома, леса, луга, его самого... К таким людям относится Татьяна Синицына, лауреат Всероссийского конкурса исполнителей народных песен.

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Родилась я в Рязанской области в очень красивом селе Ермо-Николаевка. Но когда речушка Пем летом высыхала, родители увозили нас, ребятшек, на Оку...

До сих пор помню густые заросли орешника и ежевики, чувствую вкус ухи и подгоревшей каши... И еще до сих пор помню вечера над рекой. Вижу огни

бакенов, слышу песни с палуб проплывающих пароходов...

Потом семья наша перебралась в Оренбургскую область, в село Грачевка. Дом стоял на самом краю села с окнами на луг. Все дни пропадали мы на этом лугу, кружилась голова от запаха полыни и горячего степного солнца. И именно на нашей улице вечером собирались сельские девчата и парни и пели о ковыле, о степи, о казаках, о Разине, ну и, конечно, о любви.

Дома у нас пели все, а старший брат еще играл на баяне. Можно сказать, что мой дебют состоялся тогда, когда мы вышли с ним на сцену нашего Дома культуры. Была я в то время еще школьницей, пела в школьном хоре. Много мы тогда ездили по области с агитбригадой. А потом помог случай. Летом 1968 года приехала в Москву к тетке погостить. Как-то вечером пришли родственники, друзья, попросили спеть. Окна открыты, а я пою, кончила петь, с улицы раздались аплодисменты. И вот через одного из «случайных» моих слушате-

лей я познакомилась с Дмитрием Михайловичем Соболевым — руководителем художественной самодеятельности комбината «Трехгорная мануфактура». Он и посоветовал поступить работать на «Трехгорку» и пойти учиться. Так я попала в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова в класс бывшей солистки хора имени Пятницкого В. Е. Клодониной.

Мне во многом повезло и больше всего — в хороших, отзывчивых людях. Это прежде всего певицы Яунзем, Воронец, Зыкина (сейчас я ученица Людмилы Георгиевны), замечательный доктор из Кургана Илизаров и баянист Анатолий Симон — мой главный советчик. Все они помогли мне поверить в себя и найти себя в прекрасной и неисчерпаемой русской народной песне.

Фото В. Павлова

Для читателей «Кругозора» Татьяна Синицына и Анатолий Симон записали русскую народную песню «Ах, ты, степь» и песню В. Мигули на стихи М. Суворова «Поют девчонки о любви».

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Искусство импровизации столь же древне, как и сама музыка. Великий Бах был больше известен своими органичными импровизациями, чем записанными произведениями. Импровизировали Моцарт, Шопен, Лист...

В дни празднования 30-летия народной Польши Адам Макович, польский пианист, в течение месяца выступал в Москве. Здесь он познакомился со своим сверстником, советским музыкантом Игорем Брилем. Оба одного возраста. Оба пианисты-лирики, музыканты романтического, поэзного склада. Оба замечательные импровизаторы.

Было решено записать несколько совместных импровизаций этого дуэта. Макович тут же предложил Брилю: «Пусть это будет чистая импровизация. Давай ни о чем заранее не договариваться, я верю, что спонтанная игра даст наилучшие результаты».

«... Два рояля ставятся так, чтобы пианисты сидели друг против друга — лицом к лицу. Бриль и Макович в это время ходят по студии. Слышен разговор: «Давай, я сыграю вот такой вступительный рисунок (напевает), а ты отвечай мне аккордами... Потом импровизируем по очереди, сначала ты, потом я... Только следи, где я кончу свою мысль...»

Что же, выходит, теоретически чистой импровизации все же нет? Ведь вот ходят, никого не замечая, погруженные

ИМПРОВИЗАЦИЯ

друг в друга, что-то мычат, рисуют пальцами в воздухе. Значит, намечают себе определенные границы, запоминают «эмоциональные контуры» той музыки, которую сейчас будут играть?

Но вот начинается запись. И оказывается, что все эти планы — не более чем условная схема, самое приблизительное указание направления — идти вперед, а не, скажем, влево... Воплощение же в «материал», окончательная отливка в форму, в звуковую ткань действительно происходит на ходу, импровизируется.

Записаны первые вещи. Пианисты прослушивают пленку, что-то нравится меньше, что-то больше. Но в целом оба довольны: «Настроение выходит»...

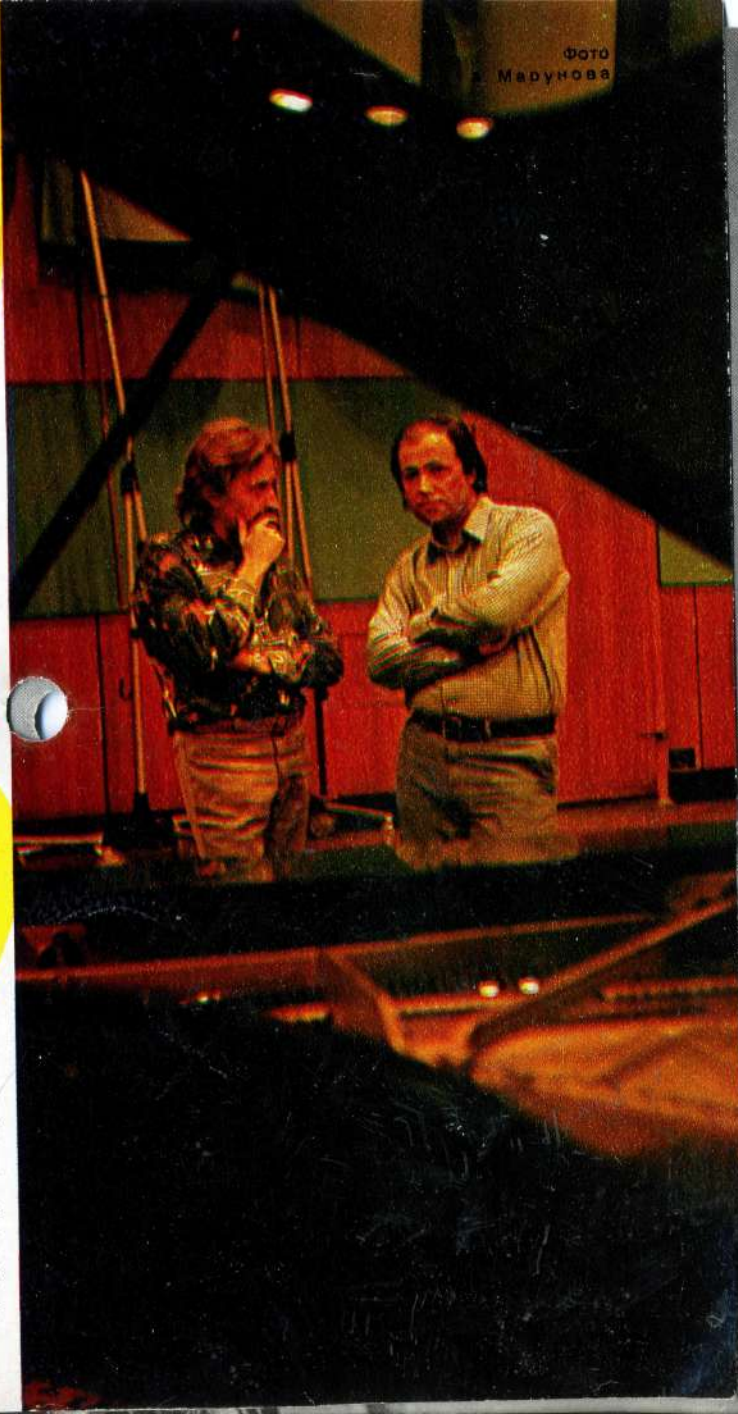
Их поиск очень напоминает кропотливую, тонкую работу гончара, кузнеца или, быть может, ювелира... Вот пока еще бесформенная масса материала. А теперь она приобретает в руках мастера какой-то объем, фактуру... Уже ясны очертания целого — можно заняться мелочами, довести их до совершенства, отшлифовать каждую деталь, выверить каждый мазок...

Прекрасен полученный результат. Но не менее красив и сам процесс. Процесс вдохновенного труда-творчества. Импровизация.

П. АРКАДЬЕВ

На седьмой звуковой странице — две импровизации Игоря Бриля (на фото справа) и Адама Маковича.

ФОТО
Мадунова

МУЗЫКА ЭКРАНА

По просьбам читателей

«Этим памфлетом автор подает свой голос за желанный мир на земле» — таким эпиграфом предварил Леонид Леонов сатирический памфлет о злоключениях мистера Мак-Кинли, задумавшего «бежать из своей жизненной эпохи, вместо того чтобы сообща с современниками внести в нее кое-какие поправки».

Человеческий страх, человеческое счастье, человеческая совесть — основные вехи, на которых выстроен фильм «Бегство мистера Мак-Кинли», снятый по произведению Л. Леонова режиссером Михаилом Швейцером. И скорее это пробуждение к жизни, а не бегство из нее.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

Михаил ШВЕЙЦЕР. Мы ввели в фильм и наделили «размышлениями вслух» нового героя. В картине появился уличный певец — фигура, на мой взгляд, весьма демократичная. Его песни, его призывы непосредственно обращены к зрителю, они не объясняют происходящее, но дают ключ к верному пониманию самого существа тех проблем, что мучают мистера Мак-Кинли. Баллады певца эмоциональны, настойчивы и заразительны, в них, пересекая основное действие, дает о себе знать важный демократический слой духовной и социальной жизни. И возникает нужная параллель к образу главного героя, коррекция на восприятие его злоключений.

В роли уличного певца выступает Владимир Высоцкий (он же автор исполняемых песен-баллад). Певец-оратор не умаляет главного героя, но активно противоборствует ему — отрицает атрибуты потребительского общества, высмеивает фатализм «маленького человека». Вывает к нему: не принимай на веру, что ты маленький, отнесись к себе серьезней — мир держится на тебе, помни о своей ответственности.

Фото В. Плотникова

На одиннадцатой звуковой странице слушайте две баллады Владимира Высоцкого из кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли» в исполнении автора.

4(145) апрель
1976 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Год основания —
1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1976 г.

На первой странице
обложки:
Гагарин: «Поехали!»
Художник
С. Алимов

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
24/II—1976 г.
Б 03017. Подп. к печ.
1/III—1976 г.
Формат 60 × 84¹/₁₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 1886. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. Юрий Гагарин: «Наша Земля прекрасна!» Из космической хроники.
2. Геолог — ветру и солнцу брат. Монолог лауреата Ленинской премии Е. И. Буровой.
3. «Народ — один! Вьетнам — один!» Звуковые документы борьбы...
4. Вспомни, песня... Рассказывает собирательница фольклора Анастасия Андриановна Присяжнюк.
5. «В Испании его звали генерал Лукач». Вспоминает адъютант Мате Залки Алексей Эйсер.
6. Художник Борис Шалапин: История одного портрета.
7. Пианисты И. Бриль (СССР), А. Макович (Польша). Импровизации.
8. Поэт Татьяна Сеницына: русская народная песня «Ах, ты, степь» и «Поют девочки» (В. Мигуля, М. Суворов).
9. На эстраде Эдуард Хиль: «Люблю» и «И все, пожалуй».
10. Ансамбль «Апаркоа» (Чили): «Последние слова» и «Этот день придет».
11. Песни-баллады В. Высоцкого из кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли».
12. Роберт Янг (Англия): «Любовь помнит» и «Всегда».

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО
Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), А. Б. ДИХТЯРЬ,
И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер).
Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

В ЧЕЛОВЕКЕ НЕ БЕЗ ЧУДА

Пришло мне письмо от Насти Андриановны. Самое, наверное, короткое за годы нашего знакомства. И самое, пожалуй, емкое. Потому что писала Настя Андриановна о большой и долгожданной своей радости. О том, что выходит на Украине целая книга напелтых ею народных песен, собирать которые она начала еще задолго до революции...

И вспомнил я первую нашу с ней встречу. ...Автобус сделал вираж и застыл у бетонного гриба конечной станции.

Милиционер, копавшийся в мотоцикле, сразу понял, кого я ищу. Объясняя дорогу, почему-то улыбался.

Улица неширокая, побитая колесами. Жмутся к плетням гигантские лопухи. Кустился молодая крапива—помню, мама в голодный военный год варила из нее борщ, и не было еды вкуснее. Тонкие вишни лезут на улицу через плетень. На старых царалинах, на ветках вспухли прозрачно-желтые желваки. Нежно-кислые на вкус, я это тоже хорошо помню. Не здесь, далеко отсюда я бегал мальчишкой. Но украинские села похожи, большие они или маленькие.

Останавливаюсь на заросшем цветами подворье, приотворяю калитку. Подошла молодая женщина с ребенком, показала рукой, как делал это недавно милиционер, куда идти дальше.

Огибаю дом. Вобрав голову, чтобы не ушибиться о низкую притолоку, вхожу в тесные сени. Толкаю дверь. Она отзывается тихим звоном вытертой до блеска шеколды.

Что я знаю об этой женщине? Печальную судьбу сестры ее, Матрены, описанную в очерке Короленко «Бытовое явление», оплакивал Лев Толстой. Приговорила совсем еще молодую Матрену царская власть к смерти за подготовку бунта. За песни «против царя», которые услышала Настя от сестры и переписала в тетрадку, саму ее, Настю, повели в полицейский участок, когда ей и шестнадцати не было... Более трех тысяч песен собрала за свою жизнь и возвратила народу Настя Андриановна. Голос ее почти сорок лет назад записали для Британского музея.

ВСПОМНИ,
🌸🌸🌸🌸🌸

Навстречу мне из-за стола, заваленного книгами, потертыми, желтыми от времени блокнотами, встает совершенно седая женщина. Она смотрит и улыбается, будто вслушиваясь в что-то знакомое и приятное. Она не знает, ни кто я, ни что привело меня к ней, но улыбается. Видно, привыкла радоваться людям, привыкла не ждать даже от случайных гостей плохого.

...Когда разговор наш (вошел частично он, этот первый разговор с Настей Андриановной, в звуковую страницу «Кругозора») заканчивается, выходим во двор. Она подробно объясняет мне, что и где у нее растет на круглых и продолговатых клумбах, какие семена ей знакомые прислали, а что сама вывела. Вот тут георгины, было их, правда, больше, да кто-то ночью три куста выкопал и унес. Обидно? Не беда. Для красоты ведь унесли, а красота от скверны очищает, верно?

Идем мы с Настей Андриановной по тихому ее подворью, нагибается она то и дело, собирает мне букет в дорогу: «Ничего, если и завянут: вы в вагоне спросите у проводника баночку какую-нибудь, в воде они быстро отойдут!»

Потом, придерживая меня за локоть,—не я ей, а она мне помогает,—ведет меня Настя Андриановна к станции, улыбается встречным. Я сперва удивляюсь, сколько у нее тут друзей, а потом перестаю удивляться, потому что кивают встречные и мне, незнакомому, так же, как и ей, готовно и доброжелательно.

Потом она долго машет уходящему автобусу. И не идет у меня из головы то, что услышал я от Насти Андриановны: «Да, недолог век у человека. А песня продлит его! Продлит век человека, который придумал песню, который в нее хоть слово вложил. Нет человека, а песня осталась. И человек остался, значит, народ остался, его мудрость, его поэзия, его память, его жизнь...»

Борис ВАХНЮК,
специальный корреспондент
«Кругозора»

п. Погребице, Винницкая область
Старинные песни украинского народа, рассказы «бывальщины», записанные в избу Насти Присяжнюк,—на звуковой странице.
Фото автора

ПЕСНЯ... 4
🌸🌸🌸🌸🌸

РОБЕРТ ЯНГ

ГОСТИ СССР

Англия

Его экспрессия сдержанна, но глубока и страстна. Голос, выплетающий тончайший узор из звуковых нюансов, вдруг подсказывает вашему воображению солнечный южный город, иссеченный каналами, дремлющий в седой знойной дымке. Пленительная манера пения с легким раскачиванием гласных звуков, со скользящими переходами от тона к тону. Поет Роберт Янг.

Четыре года назад одна из английских газет наградила Роберта Янга премией под названием «Лучший вокальный мужской номер года». Затем ему вручили «Гран-при» Международного фестиваля песни в Югославии и два золотых «Оскара». Предшествующие взлету десять лет были для певца поиском себя в бездне музыкальных течений и стилей.

Сын портового механика, Янг вырос в трудовой семье. И хотя специалисты обратили внимание на его одаренность еще в детстве, долгие годы ничто не предвещало юноше певческой карьеры. Янг великолепно играл на волынке, на гитаре, кларнете. Увлечение пением пришло вместе с появлением вокально-инструментальных ансамблей. Первое испытание на клубной сцене в Ньюкасле, затем выступления в различных ансамблях, наконец, большие оркестры.

— Я учился у разных педагогов. Но все они были приверженцами классического эстрадного пения,— говорит Роберт Янг.— Меня очень интересовало искусство Джильи, Карузо, Ланца. Но возможность попробовать себя представилась в другом музыкальном направлении. И все-таки стиль великих певцов, которых я очень люблю, победил. Я не исповедую достижения модного исполнительства, возможно, я консервативен, но мне больше по душе классическая эстрада. Счастлив, что слушателей у «нынешнего Янга» гораздо больше, чем у «прежнего».

Галина МИЩЕВСКАЯ

Цена 1 руб. Индекс 70461.